

УЧЕНИЕ О СТРАСТЯХ В ФИЛОСОФИИ Н. МАЛЬБРАНША

Согласно учению Мальбранша, в основе человеческой души лежат два вида отношений: ее отношение к миру божественному и отношению к миру земному, или телесному. Как чистый дух человек в своей сущности связан «со Словом Божьим, с Премудростью и вечною Истиною, т. е. с Высшим Разумом»¹; и мыслить в подлинном значении этого слова он может только в силу данной связи. В свою очередь, как часть мира земного человек имеет отношение к собственному телу. И вот, когда причиной мыслей бывает тело, тогда душа чувствует. Когда же дух действует сам по себе — или, как говорит Мальбранш, когда Бог действует в нем и Его свет просвещает дух многими различными способами, — тогда это называется познанием. Тот же принцип можно применить и к раскрытию понятия воли. По своей сути воля человека зависит от воли Божьей. Она есть часть той любви, которую Бог имеет к Самому Себе. «Если бы Бог не любил Себя или если бы Он не влагал непрестанно в душу человеческую любовь, подобную Своей, т. е. то движение любви, которое мы чувствуем ко благу вообще, мы не любили бы ничего, а следовательно, мы были бы без воли; потому что воля есть не что иное, как врожденное стремление, влекущее нас ко благу вообще...»² Но воля, будучи волей человека, также зависит и от тела. Дуализм Мальбранша распространяется на все, что происходит в душе. Все те душевные движения, которые производятся лишь при косвенном участии тела и общи с чистыми духами, Мальбранш назвал врожденными наклонностями. Те же движения души, которые происходят при непосредственном участии тела, называются страстями. «Страсти души — это стремления, вложенные Творцом природы, которые влекут нас любить свое тело и все, что может быть полезно для сохранения его; а врожденные наклонности — стремления, вложенные Творцом природы, которые влекут нас главным образом любить Его как высшее благо и любить нашего ближнего помимо отношения к телу»³.

---

¹ Мальбранш Н. Разыскания истины. СПб., 1999. С. 389.

² Там же.

³ Там же. С. 390.

© Р. А. Иост, 2005

Мальбранш рассматривает страсти и склонности по отдельности лишь для удобства. Он признает, что в человеке они нераздельны и составляют единое целое. Хотя людям свойственны и чувственная любовь, и чувственная ненависть, возможность их существования продиктована тем, что существуют духовная любовь и духовная ненависть. «Людям свойственны ощущения и образы воображения лишь потому, что им свойственно чистое умозрение; чувства и воображение не отделимы от ума, и, однако, то, что эти душевные способности рассматриваются порознь, хотя по природе они и нераздельны, не встречает ни с чьей стороны возражений»⁴. Основной целью такого разделения была необходимость определить, что душа воспринимает от Бога по отношению к телу, а что — вне своего отношения с телом. Для Мальбранша человек представляет собой единое целое; хотя он и состоит из множества разных частей, связь между этими частями столь тесна, что нельзя затронуть одну его часть, не затронув целого. Несомненно, что дух и тело принадлежат к абсолютно разным субстанциям, тем не менее мы чувствуем по собственному опыту связь этих двух сущностей. Мальбранш объясняет это тем, что мы «находимся в неведении постоянных воздействий Бога на Его твари»⁵.

Мальбранш различает семь «моментов», происходящих в процессе движения души, которое он называет страстью. Во-первых, разум в процессе созерцания предмета или отношения выдвигает суждение. Во-вторых, это суждение определяет направление воли к созерцаемому предмету. Первоначально предполагается, что он есть благо, так как до момента самого созерцания естественное движение души или оставалось неопределенным, т. е. стремилось к благу вообще, или было определено познанием какого-либо другого предмета. Именно в момент созерцания воля принимает направление в соответствии с суждением разума. «Душа приближается к предмету силою своей любви, чтобы насладиться им и познать свое благо тем чувством сладости, которое дает ей Творец природы как естественную награду за то, что она стремится ко благу. Она рассудила, что этот предмет есть благо, абстрактным суждением, не затрагивающим ее; но действием чувства она становится убежденной в том, и чем живее это чувство, тем более привязывается она ко благу, которое, по-видимому, вызывает его»⁶. Однако если созерцаемый предмет оказывается злом, в движении воли

---

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 391.

⁶ Там же. С. 399.

не происходит нового определения, а усиливается ее движение к благу, противоположному предмету, представляющемуся злом. При обнаружении предмета, который нам не нравится, не происходит изменения в естественном движении воли, но возникает чувство страдания, которым нас наказывает Бог за то, что душа лишена блага. Для того чтобы пробудить душу, одного рассудка недостаточно, необходимо еще и воздействие скорбного и тяжелого чувства. «Во всех страстях все движения души ко благу суть не что иное, как движения любви. Но так как мы волнуемся различными чувствами сообразно различным обстоятельствам, сопровождающим созерцание блага и движение души ко благу, то мы смешиваем чувства с эмоциями души и воображаем, что существует столько же различных движений в страстях, сколько есть различных чувств»⁷.

В-третьих, в каждой страсти можно обнаружить присутствие сопровождающего ее чувства: любви, радости, отвращения, желания и т. д. В-четвертых, в момент изменения направления движения воли происходит и изменение движения «жизненных духов и крови» во внутренних и внешних частях тела. До этого момента духи были равномерно распределены по всему телу, поддерживая его в порядке. Вследствие появления нового предмета порядок нарушается. В-пятых, происходит движение души в целом, которая чувствует себя взволнованной изменением положения духов. Такое движение души всегда сопровождает движение духов для того, чтобы душа приняла участие в том, что затрагивает тело. Таким же образом волнуются и жизненные духи, когда душа устремляется к какому-либо предмету. «Раз душа связана с телом, а тело — с душою, их движения будут взаимны»⁸. В-шестых, возникают различные чувства: любви, отвращения, радости, желания и т. д., источником которых выступает не интеллектуальное созерцание блага, а воздействие на мозг жизненных духов. В-седьмых, возникает чувство радости, которое Мальбранш называет «чувством внутренней сладости», которое концентрирует душу на ее страсти и сигнализирует ей, что она находится в том состоянии, в каком должна находиться по отношению к познаваемому предмету. «Эта внутренняя сладость сопровождает вообще все страсти: как страсти, возникающие при созерцании зла, так и страсти, рождающиеся при виде блага; как грусть, так и радость. Эта-то сладость и делает для нас все страсти приятными и побуждает нас согласиться на них и отдаться

---

⁷ Там же. С. 400.

⁸ Там же. С. 401.

им. Наконец, это — та сладость, которую следует побеждать сладостью благодати и радостью веры и разума; ибо как радость духовная всегда вытекает из достоверного или очевидного познания, что находишься в наилучшем состоянии, в каком только можешь быть по отношению к созерцаемым вещам, — так сладость страстей всегда есть природное следствие нашего смутного чувства, что мы находимся в наилучшем состоянии, в каком только можем быть по отношению к ощущаемым вещам. Итак, должно радостью духовною и сладостью благодати побеждать ложную сладость наших страстей, которая нас делает рабами чувственных благ»⁹.

С точки зрения Мальбранша, объект наших страстей не может быть нашим благом. Следовать побуждениям страстей мы должны только ради поддержания жизни. Чувственное удовольствие по отношению к нашему благу есть то же, что и наши ощущения по отношению к истине; как наши чувства обманывают нас относительно истины, так и наши страсти обманывают нас относительно нашего блага. «Мы должны искать высшей радости благодати, потому что она влечет нас с очевидностью к любви, к истинному благу; она не сопровождается тайными укурами разума, как слепой инстинкт и смутное удовольствие страстей; она всегда сопровождается тайною радостью, сообразною состоянию, в котором мы находимся; и, наконец, так как лишь Бог может действовать в духе человеческом, то человек не может найти блаженства вне Бога; или мы должны допустить, что Бог вознаграждает неповиновение и повелевает любить более то, что наименее заслуживает любви»¹⁰.

Для Мальбранша познавать истину или познавать вещи согласно истине — значит познавать Бога. В свою очередь, любить добродетель или любить вещи согласно правилам добродетели — значит любить Бога. Все люди убеждены, что познание истины и любовь к добродетели делают дух совершеннее, а ослепление разума делает дух менее совершенным. Познание же истины и любовь к добродетели не могут быть ничем, кроме как общением души с Богом; а «ослепление разума и извращение сердца» также не могут быть ничем, кроме как удалением души от Бога и связью ее с чем-то более низким, т. е. с телом, ибо только эта связь может сделать душу несовершенной и несчастной. Мальбранш располагает душу как бы между Богом и телами, между добром и злом, между тем, что может сделать человека более совер-

---

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 413.

шенным и более счастливым, и тем, что, наоборот, делает его несчастным и несовершенным. Человеческая душа сама в себе не заключает каких-либо совершенств или идей всех существ, которые она может воспринимать. Душа не есть универсальное бытие. Она не видит в самой себе вещей, которые отличаются от нее. Когда человек открывает какую-либо истину или видит вещи такими, какие они сами в себе, он видит их в идеях Бога. Человеческий дух «не есть сам для себя свое совершенство и свой свет; чтобы просветиться, он нуждается в бесконечном свете вечной истины. Итак, когда дух познает истину, он имеет общение с Богом, он познает Бога и некоторым образом обладает Им»¹¹. Но Мальбранш идет еще дальше в своем размышлении. С его точки зрения, дух, который познает истину, познает некоторым образом Бога, в Котором она заключена, и он познает вещи так, как Бог их познает. Здесь Мальбранш продолжает мысль Декарта о том, что, познавая что-либо, человек в первую очередь познает себя. Для Мальбранша человек, совершая акт познания, познает также и Бога. Познавая вещи, дух познает их действительные отношения, и Бог познает их также. Бог не чувствует, не воображает, «Бог видит в Себе Самом, в умопостигаемом мире, который Он содержит, мир материальный и чувственный, созданный Им»¹². То же самое относится и к познающему духу. Дух не ощущает истину, не воображает ее. Ощущения и образы, которые воображение предоставляет духу, являются ложными отношениями. Тот, кто открывает истину, может видеть ее лишь в умопостигаемом мире, с которым он необходимо связан и в котором Сам Бог созерцает ее; ибо этот чувственный и материальный мир не умопостигаем сам по себе. Очевидно, что познание истины и любовь к добродетели составляют все совершенство человека. Тем не менее люди, страстно желающие совершенства своего существа, мало заботятся об усилении своего общения с Богом и непрестанно трудятся над укреплением и расширением той связи, которую они имеют с чувственными вещами. «Мы открываем познанием разума, что мы связаны с Богом и умопостигаемым миром, который Бог содержит; чувство же нас убеждает, что мы связаны с нашим телом, а через наше тело с материальным и чувственным миром, созданным Богом. Но так как наши чувства живее, трогательнее, даже продолжительнее нашего познания и чаще заявляют о себе, то не следует удивляться тому, что наши чувства нас волнуют и пробуждают нашу любовь ко всем чувст-

---

¹¹ Там же. С. 414.

¹² Там же.

венным вещам, а наше знание рассеивается, не вызвав в нас никакого рвения к истине»¹³.

С точки зрения Мальбранша, все страсти могут быть сведены к трем первоначальным, а именно: желанию, радости и грусти. Главное различие, существующее между страстями одного вида, вытекает из различных представлений и различных суждений, вызывающих и сопровождающих их. Это различие обуславливается суждениями настолько, что для того, чтобы изучить страсти и сделать самое точное, какое только возможно, перечисление их, необходимо исследовать различные суждения, кои можно составить о благе и зле. Суждения же, которые предшествуют страстям или вызывают их, почти всегда ложны в чем-нибудь, так как почти всегда опираются на представления души, рассматривающей предметы по отношению к себе, а не в соответствии с тем, что представляют эти предметы сами по себе. Суждения, которые следуют за страстями, бывают всецело ложными. Такие суждения составляются только страстями и опираются исключительно на представление души о предметах, относящихся к настоящей эмоции. В суждениях, которые предшествуют страстям, переплетаются истинное и ложное; но когда душа волнуется или когда она судит сообразно порыву страсти, тогда истинное исчезает и остается ложное, чтобы служить принципом тем большему числу ложных заключений, чем сильнее страсть. Для Мальбранша все страсти оправдывают себя. «...Они непрестанно представляют душе предмет, волнующий ее, и представляют таким образом, что поддерживают и усиливают ее волнение. Суждение, или представление, причиняющее его, укрепляется по мере того, как усиливается страсть; а страсть усиливается по мере того, как укрепляется в свою очередь суждение, вызывающее ее. Ложные суждения и страсти постоянно содействуют своему взаимному поддержанию»¹⁴.

В основе морального учения Мальбранша лежит идея о необходимости развенчать все отдельные заблуждения, касающиеся понимания блага. Страсти оказываются преградой на пути постижения истинного блага. Воздействие на человека со стороны страстей происходит двояким способом. С одной стороны, страсти воздействуют на разум. Согласно Мальбраншу, человеку необходимо научиться использовать это воздействие правильным образом, ведь это может быть полезно для познания истины. Процесс познания должен сопровож-

---

¹³ Там же. С. 418.

¹⁴ Там же. С. 450.

даться страстью, своего рода интеллектуальной радостью; и именно эта страсть — и только эта — позволит удержать разум в нужном направлении. «Между интеллектуальной радостью, сопровождающей ясное познание доброго состояния души, и чувственным удовольствием, сопровождающим смутное чувство хорошего состояния тела, есть та заметная разница, что интеллектуальная радость прочна, чужда угрызений совести, а также неизменна, как истина, вызывающая ее; чувственная же радость почти всегда сопровождается грустью духовною или угрызениями совести, она тревожна и так же непостоянна, как страсть или волнение крови, которое ее вызывает. Наконец, первая почти всегда сопровождается очень сильною радостью чувств, когда она бывает следствием познания великого блага, которым обладает душа; а вторая почти никогда не сопровождается какою-либо радостью духовною, хотя бы была следствием большого благополучия для тела, но противного благу души»¹⁵. С другой стороны, страсти воздействуют на сердце. «Вследствие же того что страсти подкупают сердце, они всегда вредны, ибо, подкупая сердце, они развращают разум и представляют ему вещи не сообразно тому, что вещи суть сами по себе или согласно истине, но сообразно отношению, какое вещи имеют к нам»¹⁶. Главная цель морали, по Мальбраншу, заключается в том, чтобы исправить разум и открыть причины заблуждений относительно истины. «Мы ищем истину в ней самой и вне отношения к нам, и если мы рассматриваем отношение, которое она имеет к нам, то только потому, что это отношение есть причина того, что себялюбие скрывает истину от нас и искажает ее; ибо мы судим обо всем согласно нашим страстям, и, следовательно, мы обманываемся во всем, так как суждения страстей иногда не согласуются с суждениями истины»¹⁷.

---

¹⁵ Там же. С. 406.

¹⁶ Там же. С. 437.

¹⁷ Там же. С. 420.